

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКІЕ НАВРОСКИ.

ГОРДЫЕ ЛЮДИ.

Убіство. (Рассказъ). А. И. Чехова. Русская Мысль. Ноябрь.

I.

Гордыня ума—какъ источникъ ереси—прекрасно обрисована А. Чеховымъ въ его новомъ рассказѣ „Убіство“, только что напечатанномъ въ *Русской Мысли*.

Авторъ вводитъ насъ въ міръ сектантства: онъ показываетъ намъ, какъ происходитъ въ душѣ человека тотъ переворотъ, который дѣлаетъ изъ православнаго христіанина дикаго сектанта.

Дѣло происходитъ въ глухомъ уголѣ, близъ станціи *Проинной*, на большой желѣзной дорогѣ.

Прежде здѣсь проходилъ почтовый трактъ и стоялъ поблизости почтовый дворъ, испоконъ вѣку принадлежавшій семьѣ Тереховыхъ. Прежде здѣсь было большое движеніе; проходили длинныя обозы съ товарами и бывали тутъ разные случаи, въ роѣ того, напримеръ, какъ лѣтъ 30 назадъ, обозчики, разсердившись, заѣхавъ драку и убивъ проѣзжаго купца, и въ полуверстѣ отъ двора до снѣгъ поръ еще стоятъ погнувшійся крестъ; проѣзжали почтовые тройки со звонками и тяжелые барскіе

дормезы, съ ревомъ и въ облакахъ пыли проходили гурты рогатаго скота.

Теперь не то; теперь „движеніе по старой почтовой дорогѣ почти прекратилось и по ней уже ѣздили только мѣстные помѣщики и мужики, да весной и осенью проходили толпами рабочіе. Постоялый дворъ превратился въ трактиръ“...

Но содержали его попрежнему Тереховы.

„Тереховы вообще всегда отличались религіозностью, такъ что имъ дали прозвище—Богомолы. Но, быть-можетъ оттого, что они жили особнякомъ, какъ нечѣйны, избѣгали людей и до всего доходили своимъ умомъ, они были склонны къ мечтательности и къ колебаніямъ въ вѣрѣ, и почти каждое поколѣніе вѣровало какъ-нибудь особенно. Баба Авдотья, которая построила постоялый дворъ, была старой вѣры, а ее сынъ и оба внука ходили въ православную церковь, принимали у себя духовенство и новыми образами молились съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ старымъ; сынъ въ старости не ѣлъ мяса и наложилъ на себя подвигъ молчанія, считая грѣхомъ всякій разговоръ, а у внуковъ была та особенность, что они понимали Писаніе не просто, а все искали въ немъ скрытаго смысла, угадывали, что въ каждомъ слѣтѣ слѣдъ должна содержаться какая-нибудь тайна. Правнукъ Авдотьи, Матвій (герой рассказа) съ самаго дѣтства боролся съ мечтательностью и едва не погибъ. Другой

правнуку, Яковъ Ивановичъ, былъ вѣнчанъ, но послѣ смерти матери, вдругъ пересталъ ходить въ церковь и молился дома. На него глядя, събиралась и сестра Аглая.⁶

Но посмотрите, какъ произошли перемены въ религіозныхъ убѣжденіяхъ Матвѣя.

Авторъ заставляетъ своего героя подробно разсказывать объ этомъ событіи и это весьма интересное мѣсто въ его небольшомъ произведеніи.

Матвѣй любилъ ходить на станцію и тамъ за стаканомъ чая поболтать съ буфетчиномъ и кѣстимъ жандармомъ.

Однажды, въ самый день Благовѣщенія, послѣ того, какъ проводили почтовый поездъ, Матвѣй сѣлъ въ буфетъ, пилъ чай съ лимономъ и говорилъ.

«Слушали его буфетчикъ и жандармъ Жуковъ.

— Я, надо вамъ замѣтить, разсказывалъ Матвѣй, — еще въ малолѣтствѣ былъ приверженецъ религіи. Мнѣ только двѣнадцать годочковъ было, а я уже въ церкви Апостола читалъ, и родители мои весьма утѣшались, и каждое дѣло мы съ покойною каменкой ходили на богомолье...

«И какъ каменка благословила меня на заводъ, то я между дѣломъ пѣлъ такъ теноромъ въ нашъ хоръ, и не было лучшаго удовольствія. Само собой, водки я не пилъ, табаку не курилъ, соблюдалъ чистоту тѣлесную, а такое направленіе жизни, извѣстно, не пра-

24

вится врагу рода человеческого, и захотѣлъ онъ, окаянный, погубить меня и сталъ опрочать мой разумъ, все равно, какъ теперь у братца. Самое первое далъ я обѣтъ не кушать по помянутому скоромнаго и не кунать мяса во всѣ дни, и вообще съ теченіемъ времени нашла на меня фантазія. Въ первую недѣлю Великаго Поста до субботы святые отцы положили сухояденіе, но трудящимся и слабымъ не грѣхъ даже чайку попить, у меня же до самаго воскресенія ни крошка во рту не было, и вотомъ во весь Постъ я не разрѣшалъ себѣ мяса ни отнюдь, а въ среды и пятницы такъ и вовсе ничего не кушалъ. То же самое и въ малые посты. Бывало, въ Петрова, наши заводскіе хлебнуть чаю изъ сумка, а я въ стороночкѣ отъ нихъ сухарикъ сосу...

И, кромѣ того, налагалъ я на себя всякія послушанія: вставалъ по ночамъ в поклоны билъ, камня тяжелые таскалъ съ мѣста на мѣсто, на свѣгъ выходилъ босякомъ, ну, и вериги тоже.

Только вотъ по прошествіи времени исповѣдаюсь я однажды у священника, и вдругъ такое мечтаніе: вѣдь, священникъ вѣтъ, думаю, женатый, скоромникъ и табачникъ; какъ же онъ можетъ меня исповѣдывать и какую онъ имѣетъ власть отпускать мнѣ грѣха, ежели онъ грѣшнѣе, чѣмъ я? Я даже постаго масла остерегаюсь, а онъ небось осетрину ѣлъ. Помалъ я къ другому священнику, а вѣтъ, какъ на

грѣхъ, толстомыслий, въ шелковой расѣ, шуршитъ будто лама, и отъ него тоже табаконъ пахнетъ. Помалъ я говѣть въ монастырь, в тамъ мое сердце не сво койло, все кажется, будто монахи не по уставу живутъ. И послѣ этого никакъ я не могу найти службы по себѣ: въ одномъ мѣстѣ служить оченъ скоро, въ другомъ, гляди, задостойникъ не тотъ пропѣлъ, въ третьемъ дьячекъ гугнявый!...

Позволимъ себѣ на этомъ мѣстѣ прервать на время рѣчь Матвѣя.

Какъ знакомы намъ эти разсужденія насчетъ священниковъ, куращихъ, пьющихъ, хорошо кушающихъ и въ мелкіхъ одвѣивающихся!

Сколько разъ мы слышали и читали ихъ — но только они исходятъ на сей разъ изъ устъ людей образованныхъ, «интеллигентныхъ»...

Въ этомъ только и разница; въ остальномъ нападки на духовенство какъ со стороны «интеллигенціи», такъ и со стороны Матвѣя тождественны...

Не далѣе какъ вчера въ одной петербургской газетѣ мы читали негодующія строки по поводу того, что какой то священникъ, выдавая дочь свою за мужа, далъ ей въ приданое 25.000 р...

Но не надо забывать, что Матвѣй, укоря священниковъ въ употребленіи вина, въ куреніи табаку, въ пошеніи шелковыхъ одеждъ, самъ хлѣбнотельно велъ строгую, воздержную жизнь, а современные обвинители духовенства не имѣютъ и этого оправданія за собой.

они ведутъ жизнь далеко не безупречную...

Матвій, смущаемый духомъ гордыни, сталъ думать, что онъ одинъ только живетъ по заповѣдямъ.

Вотъ какъ онъ рассказываетъ дальше о себѣ:

„Душавый бѣсъ не дремалъ, дальше-больше, пересталъ я кѣтъ изъ хорѣ, и ужъ вовсе не кожу изъ дерковы; такъ ужъ я объ себѣ понимаю, будто я человѣкъ праведный, а неркомъ во своему несовершенству для меня не подходитъ, то-есть, подобно падшему ангелу, возмечталъ я съ юродитъ своей до нестерпимости. Послѣ этого сталъ я хлопотать, какъ бы свою чернь устроить.

„Намалъ я у глухой вѣщавая коннатушечку далеко за городомъ, около кладбища, и устроилъ моленную. Въ этой своей моленной я держался устава святой Афонской горы, то-есть, каждый день обязательно утренняя у меня начиналась въ полночь, и подлѣ особо чтимые двенадцатые праздники всенощная у меня служилась часовъ десять, а когда и двѣнадцатъ. Монахи, все-таки, по уставу, во время каенитъ и паремій свдѣтъ, а я желалъ быть угодиѣе монаховъ и все бывало на ногахъ.“

Конечно, слухъ о такомъ благочестіи скоро распространился, и стали богомольцы приходить къ Матвию.

„Стало тѣсно, говорить онъ—въ ка-ленькой, малъ я коннату побольше, и пошло у насъ настоящее столпотворе-ніе... Мы всѣ въ рождѣ какъ бы вѣсь-

лись. Я читалъ, а бабка и старина хѣ-бѣ пѣлъ, и этакъ, долго не бѣши я не пивши, простоявши на ногахъ сутки или дольше, вдругъ начинается съ ни-ми трясеніе, будто ихъ ляхоралка бьетъ, потомъ этого то одна крикнетъ, то дру-гая—и такъ страшно! Я тоже трясусь весь, какъ Жидъ на сковородѣ, самъ не знаю, по какой причинѣ, и начи-наютъ наши ноги прыгать. Чулно пра-во: не хочешь, а прыгаешь и руками болтаешь, и потомъ этого крикъ, везгъ, всѣ пляшемъ и другъ за дружкой бѣ-гаемъ, сбѣгаемъ до упаду.“

Въ такомъ наступленіи впасть Мат-вій я въ тяжкій грѣхъ...

„Но, продолжалъ онъ свой рассказъ,—когда уже меня въ городѣ святыми по-читали и даже дамы и хорошіе господа стали прѣзжать ко мнѣ потахоньку за утѣшеніемъ, какъ-то пошелъ я къ на-шему хозяину Осипу Варламычу про-щаться—тогда прощенный день былъ,—а онъ этакъ заперъ на крючечекъ дверь, и остались мы вдвоемъ, съ глазу на глазъ. И сталъ онъ меня отчитывать. А долженъ я вамъ замѣтить, Осипъ Варламычъ безъ образованія, но даль-няго ума человекъ, и всѣ его почитали и боялись, потому былъ строгой, бого-угодной жизни и труженецъ. Ну, за-перъ дверь и—, давай, гезорать, а до тебя добравшъ, такой-скакой... Ты, го-ворить, думалъ, что ты святой? Нѣтъ, ты не святой, а богоотступникъ, ере-тикъ и злодѣй! И пошелъ и кошелъ...

Пронялъ онъ мена своими словами, открылись глаза мои. Слушалъ я, слушалъ и — какъ зарыдаю! „Будь, говорить, обыкновеннымъ человекомъ, ѣшь, пей, одѣвайся и молись, какъ всѣ, а что сверхъ обыкновеннаго, то отъ бѣса. Вериги, говорить, твои отъ бѣса, посты твои отъ бѣса, модельная твоя отъ бѣса; все, говорить, это гордость.“

И вотъ исправился Матвѣй. „Теперь, говорилъ онъ, я ѣмъ и пью, какъ всѣ, и молюсь, какъ всѣ... Ежели теперь, случается, отъ батюшки пыхнетъ табакомъ или винцомъ, то я не дерзаю осуждать, потому, вѣдь, и батюшка обыкновенный человекъ, но какъ только говорятъ, что вотъ въ городѣ или въ деревнѣ завелся, молъ, святой, по недѣлямъ не ѣсть и свои уставы заводить, то ужъ я понимаю, чья тутъ дѣла.“

II.

Такъ, благодаря Осипу Варламышу, не побоявшемуся сказать Матвѣю въ лицо слово правды, Матвѣй уразумѣлъ свое заблужденіе, понялъ свою гордость, и отчасти отъ нея испѣлился.

Отчасти, но не совсѣмъ...

Много тяжкихъ подвиговъ онъ совершалъ, но одного подвига не смогъ онъ одолѣть — подвига смиренія.

Какъ мы упоминали уже выше братъ Матвѣя Яковъ и сестра Аглая тоже пошатнулись въ вѣрѣ, перестали въ церковь ходить и стали молиться дома, по

своему, находя, что въ молитва усопшіе Богу чѣмъ молитва священника въ церкви.

Яковъ строго держался устава даже въ повседневной жизни; такъ, если въ Великомъ Посту въ какой-нибудь день разрѣшалось, по уставу, вино „ради труда бдѣннаго“, то онъ непременно пилъ вино, даже если не хотѣлось.

„Онъ читалъ, пѣлъ, кадилъ и постился не для того, чтобы получить отъ Бога какія-либо блага, а для порядка.“

Это все не нравилось Матвѣю и онъ часто вступалъ съ братомъ въ брань и ссоры по этому поводу. Считая опять-таки, что онъ теперь позналъ смыслъ жизни, заключающійся въ томъ, чтобы жить какъ всѣ, и полагая все „сверхъ-обыкновеннаго“ отъ діавола — онъ не старался дѣйствовать на брата кротостью и увѣщаніемъ, а грубо обривалъ его, дразнилъ и даже глумился надъ его моленіями.

Это и привело къ катастрофѣ. Стояла Страстная Недѣля. Тереховы, конечно, постились по всему уставу.

Разъ за обѣдомъ Матвѣй попросилъ масла.

— Кто же въ такой день масло ѣстъ? — спросила Аглая.

— Я, сестрица, не монахъ, а мирянинъ. А по слабости мерзость нѣтъ не то что масло, даже молоко можно.

Аглая юрнула съ полки бутылку съ постнымъ масломъ и поставила ее передъ Матвѣемъ, саранто стукнула, съ

злорадною улыбкой, очевидно, довольная, что онъ такой грѣшникъ.

— А я тебѣ говорю, ты не можешь ѣсть масла! крикнулъ Яковъ.

Аглая и Дашутка вздрогнули, а Матвѣй, точно не слышалъ, налилъ себѣ масла въ чашку и продолжалъ ѣсть.

— А я тебѣ говорю, ты не можешь ѣсть масла!—крикнулъ Яковъ еще громче, покраснѣвъ весь и вдругъ схвативъ чашку, поднялъ ее выше головы и изо всей силы ударилъ о землю, такъ что полетѣли черепки...

Матвѣй поблѣднѣлъ и всталъ.

— Братецъ! сказалъ онъ, продолжая жевать. — Братецъ, опомнитесь!

— Вонъ изъ моего дома сію же минуту! Крикнулъ Яковъ;—вонъ, тебѣ говорятъ!

— Братецъ, уймись! Васъ обуяла гордыня бѣсовская!

— Молчи! (Яковъ застучалъ).—Уходи, дьяволъ!

— Вы, ежели желаете знать, продолжалъ Матвѣй громко, тоже начинаю сердиться,—вы богоотступники и еретики! Бѣсы окаянные заслонили отъ васъ истинный свѣтъ, ваша молитва не угодна Богу! Покайтесь, пока не поздно! Смерть грѣшника люта! Покайтесь, братецъ!"

Но Яковъ не пскаялся, и сталъ тащить Матвѣя въ-изъ стога. Между братьями началась борьба, но время которой Аглая, желая прийти на помощь Якову, схватила бутылку съ послѣднимъ

масломъ ударила со всего размаху Матвѣя по темени.

Матвѣй пошатнулся, и лицо его въ одно мгновеніе стало свѣтлымъ и равнодушнымъ...

Онъ былъ убитъ...

Скрыть убійства Тереховымъ не удалось, всѣ они попали подъ судъ и пошли затѣмъ на каторгу.

Яковъ очутился на Сахалинѣ. Здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ онъ попалъ въ одной тюрьмѣ вмѣстѣ съ людьми пригнанными сюда съ разныхъ концовъ,—съ Русскими, Хохлами, Татарами, Грузинами, Китайцами, Чухной, Цыганами, Евреями, и съ тѣхъ поръ, какъ прислушался къ ихъ разговорамъ, наглядѣлся на ихъ страданія, онъ опять сталъ возноситься къ Богу, и ему казалось, что онъ, наконецъ, узналъ настоящую вѣру, ту самую, которой такъ жаждалъ и такъ долго искалъ и не находилъ весь его родъ, начиная съ бабки Авдотьи. Все уже онъ зналъ и понималъ, гдѣ Богъ и какъ должно ему служить, но было непонятно только одно, почему жребій людей такъ различенъ, почему эта простая вѣра, которую другіе получаютъ отъ Бога даромъ вмѣстѣ съ жизнью, досталась ему такъ дорого, что отъ всѣхъ этихъ ужасовъ и страданій, которые, очевидно, будутъ безъ перерыва продолжаться до самой его смерти, у него трясутся руки и ноги? Онъ выжидалъ напряженно въ заточеніи и ему

казалось, что сквозь тысячи верст этой тьмы онъ видитъ родину, влѣтъ родную губернію, свой уѣздъ, *Промышленную*, видитъ темноту. Лѣность, безсердечіе и тупое, суровое, скотское равнодушіе людей, которыхъ онъ тамъ покинулъ; зрѣніе его туманилось отъ слезъ, но онъ все смотрѣлъ вдаль, гдѣ еле-еле свѣтились блѣдные огни парохода, и сердце щемно отъ тоски по родинѣ, и хотѣлось жить, вернуться домой, разказать тамъ про свою *ночную* вѣру и спасти отъ гибели хотя бы одного человѣка и прожить безъ страданій хотя бы одинъ день."

Это мѣсто замѣчательно по формѣ и по содержанію — оттого мы и привели его цѣликомъ.

Но, какую вѣру обрѣлъ Яковъ? Была ли она *новою* только для него, или онъ, дѣйствительно, не исцѣлившись всецѣло отъ прежней гордыни, создалъ себѣ новаго своего кумира? Дошелъ ли онъ до смиренія, или нѣтъ?

Къ сожалѣнію это неясно изъ послѣднихъ строкъ разказа А. Чехова, и эту неясность мы ставимъ автору въ вину, но только ее одну, и притомъ она вполне искупается тою глубиной и силой анализа, съ которыми А. Чеховъ прояснилъ сложный процессъ зарожденія сектантскаго злеченія въ душѣ простаго русскаго человѣка.

А. СКОБИНСКИЙ.

< 41-й Арс. Шевелев >